

Виктория Блиндер

12+

**Столкновение...с
прошлым**

Виктория Блиндер
Столкновение... с прошлым

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Блиндер В.

Столкновение... с прошлым / В. Блиндер — «ЛитРес: Самиздат»,
2002

ISBN 978-5-532-05141-6

Героиня романа попала в автомобильную аварию. Она выжила после клинической смерти но с этого момента в её жизнь ворвались сны, в которых она стала свидетельницей событий, происходивших задолго до её рождения. Невольно наблюдая за чужой жизнью, героиня романа понимает, что это ее прошлая реинкарнация, и неожиданно находит ответы на вопросы, которые у неё накопились. Героине приходится пережить во сне как наяву аншлюс в Австрии и гибель в концлагере... В романе описываются исторические факты, которые являются достоверными. Мистика и реальность сливаются воедино.

ISBN 978-5-532-05141-6

© Блиндер В., 2002
© ЛитРес: Самиздат, 2002

Содержание

ГЛАВА 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

От автора. Все действующие лица в этой книге, за исключением известных исторических фигур, – вымышленные. Их высказывания, в том числе и высказывания героини, от лица которой ведется повествование, являются их личной точкой зрения и, разумеется, не претендуют на то, чтобы быть истиной в последней инстанции.

*Нет у меня для вас ни слова,
Ни звука в сердце нет,
Виденья бедные былого,
Друзья погибших лет!*

*Быть может, умер я, быть может –
Заброшен в новый век.
А тот, который с вами прожит,
Был только волн разбег,
И я, ударившись о камни,
Окровавлен, но жив, –
И видится издалика мне,
Как вас несет отлив.*

В. Ходасевич

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

Козьма Прутков

ГЛАВА 1

Меня охватило состояние полного покоя, когда я сверху рассматривала свое тело. Вернее тел было несколько, и мое ничем не отличалось от других.

Внизу были две разбитые машины и тела...

Ощущение легкости толкало меня к свету, от которого исходило тепло и любовь. Я ощущала, что могу двигаться в пространстве. Между мной и светом был длинный туннель. И вдруг я увидела карту жизни. Она была необычной, круглой, и плохие поступки там переплетались с хорошими. Причем хорошими считались те, которые совершались без всякой мысли о вознаграждении, а плохими те, что делались умышленно. Перед тем, как войти или, правильнее сказать, влететь в туннель, я в последний раз взглянула на свое брэнное тело. Оно было безжизненное и чужое, и расставание с ним не приносило боли. Оно уходило в прошлое, а впереди был свет. Уже подлетая к нему, я услышала голос:

– Твой путь не окончен – возвращайся.

Голос не предлагал, он настоятельно требовал – возвращайся. Я открыла глаза. Вокруг белые стены и люди. Чужие люди... Они говорили обо мне. Я слышала обрывки фраз: «появился пульс... она открыла глаза... дышит... жива...» Мне хотелось встать, но тело не слушалось, оно было тяжелым, неподвижным. "Который час?" – собрав все силы, спросила я у людей, которые были рядом. "Без двадцати двенадцать", – ответил мне стоявший рядом мужчина, и обращаясь к кому-то другому, повторил: "Слава Богу, жива". Прошло больше двух недель после аварии. К этому времени я осознала, что из людей, сидевших в двух машинах, я единственная осталась в живых. Это было чудо. Из машины, которая уже практически не существовала, меня достали с сотрясением мозга. И едва я пришла в сознание, в тот же день выписали из больницы, объяснив, что лежать можно и дома. Болей я почти не ощущала, но собственное тело казалось мне тяжелым и неудобным. В голове все время кружились строчки Тарковского:

Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки,
Душе осточертела
Сплошная оболочка.

Память вела себя очень странно, она вдруг выкинула все, что было связано с аварией, кроме ощущения полета и света. Казалось, что кто-то дал команду: "Стереть", и жизнь моя разделилась на две части – до и после.

В машине я оказалась случайно, погибших я практически не знала, просто нам было по пути, и они взяли меня подвезти. Никто не мог предположить, чем окончится эта поездка... Когда сразу после аварии мне сказали, что через неделю-другую я вернусь на работу, в это мало верилось. Хотя оказалось правдой, и через некоторое время моя жизнь внешне ничем не отличалась от той, что была до аварии. Но только внешне...

Что-то поменялось во мне. Я не могла избавиться от ощущения легкости. Мне казалось, что тело мешает, что без него можно лететь. Материя отходила на второй план, пропуская вперед дух. Особенно мешала ватность ног. Лежа с закрытыми глазами, я видела манящий к себе свет, который приближался и окутывал меня, как одеяло. Наступало состояние покоя. А утром надо было вставать, готовить завтрак, кормить мужа и детей, бежать на работу, возвращаться, снова готовить, убирать, разговаривать о школе... Все как обычно, и только внутри вдруг появилось ощущение, что это только суета сует.

Мне стала преследовать постоянная усталость, хотелось лечь, закрыть глаза и летать. Постепенно полеты стали заносить меня в какой-то город. Вначале я видела сверху контуры, потом появилось желание приблизиться и осмотреться вокруг. Во мне стали бороться два чувства. С одной стороны, мне безумно хотелось попасть в этот город, с другой – я интуитивно боялась этого, мне казалось, что я могу увидеть или узнать нечто, что навсегда нарушит мой покой. Но город манил меня, и каждый раз становилось все тяжелее и тяжелее возвращаться, не побывав в нем. Несколько раз я приближалась к нему настолько, что можно было различить постройки в готическом стиле, разделенные рекой на две части, огромную крепость и соборы. Причем внутреннее ощущение говорило мне, что это католические соборы. Я вдруг почувствовала родство с этим городом, почувствовала, что я уже здесь была... жила... Когда-то очень давно, так давно, что было трудно вспомнить, когда.

И снова моя жизнь разделилась на две части – ночную и дневную. Днем я жила повседневной суетой, а ночью пыталась повернуть память назад.

Через какое-то время я привыкла к этим полетам и почти перестала их бояться. Наверное, любопытство пересилило страх, и в какой-то момент я, пересилив себя, приблизилась к городу настолько, что контуры превратились в конкретные строения. Я разглядела крепость, улицы, площади. Мое внимание привлек памятник. Это был памятник молодому мужчине с пером в руках. У меня возникло ощущение, что мне знаком этот памятник, но приблизиться и прочесть, кому он поставлен, я побоялась и полетела назад. Видимо от этого страха я проснулась. Было пять утра. Вставать было еще рано, и я сделала попытку снова уснуть, но мне это не удалось. Я снова закрыла глаза и полетела, и передо мной стоял памятник мужчине в развивающемся плаще.

С этого момента все превратилось в пытку. Хотелось вспомнить, откуда мне знаком этот памятник, но я не могла. Я была уверена, что я никогда не видела его. Этот парадокс, что с одной стороны, он знаком мне, а с другой – я никогда его не видела, стал давить на психику. Где-то глубоко внутри появился страх, что это последствия сотрясения мозга, и мысль, что, наверное, стоит обратиться к врачу. Мне стало казаться, что все, что происходит со мной по ночам, это просто галлюцинации. Я старалась давать себе больше физических нагрузок, чтобы устать. Мне казалось, что это может избавить меня от снов, но напрасно я пыталась уйти от них. Сны возвращались и возвращали меня на исходную точку – площадь в центре города. Площадь и памятник говорили мне очень много, и в то же время не говорили ничего. Я пыталась по возможности не заострять на этом внимание.

После аварии прошло уже около трех месяцев. Осень плавно перешла в зиму, если иерусалимскую зиму можно так назвать, поскольку она скорее похожа на продолжительную позднюю осень. Новый год приходит здесь почти незаметно, без праздничной суеты, просто раньше темнеет, и дни кажутся короче.

Как-то в конце января, вернувшись домой после работы, я включила телевизор и отправилась на кухню готовить ужин. Дело в том, что после аварии я не любила бывать дома одна, и когда так случалось, всегда включала радио или телевизор.

Так было и в этот раз. Готовя салат, я услышала знакомые мелодии Моцарта, которые доносились из салона. Решив прибавить звук, я подошла к телевизору и... увидела площадь и памятник. Это было другое время, более позднее, чем во сне, это происходило сейчас, но это без всяких сомнений была та же площадь с памятником мужчине в плаще.

Я присела на диван, не в силах двинуться. Музыка стихла, и голос диктора объявил, что это была трансляция с традиционного январского фестиваля из Зальцбурга. На экране замелькало что-то другое, а я продолжала сидеть около телевизора, пытаясь понять, как совместить Моцарта с ночными полетами. Одно я поняла точно: этот город, в который меня отправляют

по ночам, действительно существует. И имя ему Зальцбург. И памятник этот, точно так же, как и постройки вокруг, не могли быть мне знакомы, ведь я их никогда не видела.

В тот вечер я приложила все усилия, чтобы пойти спать как можно позже. Но едва приложив голову к подушке, я сразу оказалась в том городе. Но что-то отличалось здесь от того, что я видела на экране телевизора. Присмотревшись, я поняла, что просто находилась в другом времени. В этот раз мне удалось приблизиться так, что можно было различать людей. Судя по одеждам, это было начало XX столетия. Вернее, не совсем начало. Скорее всего, это было после войны 1914 года. На улицах уже были машины, но еще сохранялись фиакры. По центру города гуляли женщины в больших шляпах, мужчины в котелках. Небольшие кафе, праздность...

Мое внимание привлекли мужчина средних лет и девочка лет восьми, сидевшие за столиком. Перед девочкой стояла тарелка с пирожными. Девочку я не могла разглядеть, но пирожные видела настолько ясно, что вдруг ощутила приторно сладкий вкус во рту. От девочки у меня запечатлелись только цвета – бордовые пальто и бант, светлые волосы. Волосы цвета спелой пшеницы. Мужчина и девочка о чем-то тихо говорили. Вокруг них шла привычная, обыденная жизнь. Я почувствовала себя сторонним наблюдателем, неизвестно зачем явившимся. Разговор мне был не слышен, но можно было понять по выражениям лиц, что это был обычный разговор отца с восьмилетней дочерью. И вдруг у меня появилось желание исчезнуть оттуда – не видеть, не слышать, забыть...

Проснувшись в три часа ночи, я ушла с книжкой в салон, чтобы не разбудить мужа и чтобы избавиться от сна. Через час мне стало ясно, что я не могу сосредоточиться, что просто сижу с книгой и не понимаю, что читаю. Отложив книгу, я попыталась проанализировать происходящее. В принципе, наверное, ничего особенного, люди испокон веков видели сны – и простые, и вещие. Я читала об этом в ТАНАХе, в других книгах, видела в фильмах. Вроде бы не было повода для страха. Но я чувствовала, что моя память пытается через сны вытолкнуть наружу что-то такое, чего я не помню. И это может лишить меня покоя. И еще я поняла, что эта девочка – часть моего «я». И мне известно, как ее зовут. Это было страшно. Потому что я не слышала разговора и не могла услышать ее имя. И еще потому, что я не знаю ни одного европейского языка, так что, даже услышав разговор, не смогла бы его понять. Оставалось только одно – предположить, что у меня начались галлюцинации, и что надо обратиться к врачу.

Утром, собираясь на работу, я бросила в сумку справочник больничной кассы, еще не зная, обращусь ли к врачу. Я, в общем-то, столкнулась с такой проблемой первый раз и не знала, к какому врачу надо обращаться – к невропатологу, психиатру, психологу... В душе еще теплилась надежда, что все это пройдет само собой, исчезнет, и жизнь вернется на круги своя.

В итоге я бросила справочник в ящик стола, и так и не назначив очередь к врачу, вернулась после работы домой. Вечер прошел как обычно. В суете домашних дел я сумела отключиться от тревоги, приготовить ужин, поговорить с детьми о школе, с мужем – о работе. Но часов в 11, когда все стали расходиться по комнатам, я вдруг снова почувствовала леденящий страх. Я вспомнила книги об аутотренинге, прочитанные когда-то, и попыталась убедить себя, что сны ничего общего со мной не имеют, что я далека от них и что они мне больше не будут мешать. Получалось как-то малоубедительно. К часу ночи, переделав всю домашнюю работу, я все-таки отправилась спать. Сон полностью повторился. Но едва приблизившись к девочке, я проснулась, наверное, от страха увидеть в ее лице какие-то знакомые черты. Остаток ночи пролежала без сна с одной единственной мыслью, что, видимо, все-таки надо позвонить врачу. Хотя о чем именно я собираюсь говорить с врачом, мне было непонятно.

Врачу я позвонила лишь через неделю, вконец измучившись от бессонницы. Секретарша в регистратуре сказала, что она может назначить мне очередь через месяц, но есть свободное

время на сегодняшний вечер (кто-то отказался придти). Вечернее время было для меня не очень удобно, но перспектива попасть к врачу через месяц была еще хуже. Я согласилась и записала адрес. Позвонив домой и предупредив, что мне надо задержаться на работе, я поехала на визит к психиатру.

В моем тогдашнем понимании слово «психиатр» означало врача, который лечит душевнобольных людей. И я искренне не знала, могу ли я отнести себя к ним. Войдя в кабинет, я увидела седого господина лет шестидесяти. К нему подходило именно слово "господин". Кабинет его мало напоминал врачебный – обычный офис административного работника.

Жестом указав мне на стул, он произнес мои имя и фамилию. "Да", – сказала я и услышала в ответ: "Я вас слушаю".

Мне было сложно начать, и он видел это. Тишина, которая установилась в комнате, начала пугать и мешать. Тогда врач предложил рассказать, что меня привело к нему. Я начала рассказывать про аварию, про картину, которая осталась у меня в памяти, – я рассматриваю себя сверху, про сны, памятник, девочку. Вначале говорить было очень тяжело, казалось, что слова застыли внутри, но потом они стали легко складываться во фразы. Дойдя до девочки, я просто расплакалась. Я никогда не умела плакать, но сейчас со мной случилась форменная истерика. Врач переждал ее, поставил передо мной стакан воды. "Я назначу вам успокоительное, и походите к психологу, все пройдет, – сказал он. – Вы далеки от сумасшествия и от галлюцинаций, так что можете этого не бояться". Он встал, давая мне понять, что визит окончен.

Я вышла на улицу, теребя в руках два листа – рецепт на успокоительное и телефон психолога. Лекарство я купила в ближайшей аптеке и выпила таблетку там же.

Через полчаса наступило какое-то отупение. Я приехала домой с тяжелой головой и ватными ногами. У меня была замедленная реакция на все. Спать не хотелось, но не хотелось и двигаться. Мое тогдашнее состояние трудно объяснить словами. Ночью мне спалось плохо, я не видела конкретных снов, но появилось ощущение страха, и я, проснувшись утром, решила таблетки больше не принимать. Оставался психолог. Но хотя я и желала выйти из этого состояния, и если не могу сама, то с чьей-то помощью, мне не улыбалось, чтобы кто-то чужой копался в моей жизни. В итоге с психологом я созвонилась только через десять дней и еще десять дней ждала первой встречи.

В тот день я предупредила, что задержусь, и поехала к психологу. Внутри у меня все сопротивлялось этому визиту. Я всегда очень осторожно относилась к незнакомым людям. У меня был небольшой и вполне устоявшийся круг общения, который меня вполне устраивал. А уж о том, чтобы излить кому-то душу не было и речи. Поэтому я не совсем представляла, как буду общаться с психологом.

Меня принял мужчина лет 40-45, высокий, худощавый, как говорят, приятной наружности. Расположившись в удобном кресле, я выжидала. Он представился, сказав дежурную фразу о том, что рад меня видеть, и попросил представиться и рассказать, что привело меня к нему. Уютная комната с неярым освещением и мягкое кресло расслабляли. Назвав свое имя, возраст и семейное положение, я задумалась, что еще можно рассказать о себе. Видимо молчание затянулось, потому что я услышала вопрос, что меня беспокоит. И действительно, что меня беспокоит – галлюцинации? раздвоение личности? страхи? Было трудно сформулировать. Одно было ясно: мне плохо.

Я начала с аварии. Не то что до аварии все было безоблачно, но все было привычно и понятно. Была налаженная жизнь. Все как у всех. Авария изменила ее. Я в который раз стала рассказывать, что осталось в памяти после аварии – и снова ничего кроме полета, туннеля и вида сверху не вспомнила. Период между аварией и тем, что я очнулась в больнице, стерся из памяти.

"Мешает ли это вам?" – спросил психолог.

Да, наверное, мешает, так как осталось много вопросов. Я совсем не помнила, как меня достали из машины, но зато хорошо помнила картину аварии, которую видела сверху, расположение своего тела.

– Что оно у вас вызывало?

– Наверное, ничего, кроме любопытства. Во всяком случае, я не помню ощущения жалости или желания вернуться.

– А что вы помните?

– Свет, легкость, ощущение любви.

Я много раз потом пыталась понять, почему было так легко без тела. Казалось, что душа создана для полета, и тело ее приземляет. А может, душа просто знала, что туда нельзя войти с телом, оно было балластом, и она была рада возможности расстаться с ним. Не знаю. А потом мне сказали, что я должна вернуться.

– На каком языке?

– Не знаю. Я просто поняла это, я услышала это на телепатическом уровне. Мне было жаль уходить оттуда, но у меня не было выбора. Все решили за меня, и я должна была вернуться.

Вспомнилось, что много дней после аварии у меня появлялось ощущение легкости и полета, пока оно не стало переходить в сны... Сны! В общем-то, я из-за них и пришла.

Но время приема истекло. Он объяснил мне, что встречаться мы будем по часу два раза в неделю. Мы назначили время и распрощались.

По дороге на работу я все время мысленно возвращалась к разговору. Первый раз я ответила вслух на вопросы, которые после аварии все время задавала сама себе. Кто-то другой сформулировал их, но мне казалось, что это мои вопросы, и целый час я разговаривала сама с собой. Правда, за это время я не коснулась того, что мучило меня больше всего – снов, девочки и ощущения, что это я, но в какой-то другой жизни, в каком-то другом измерении.

Между сном, когда я увидела ее первый раз, и встречей с психологом, прошел почти месяц. За это время я узнала о ней гораздо больше. Я знала, что ей восемь лет, что зовут ее Розмари, и что живет она с отцом в большом доме, который расположен в двадцати минутах езды от города. Что она получает домашнее образование, у нее есть бонна, которая с ней постоянно, и две приходящие учительницы. Я никогда не видела ее с матерью, но в доме висел портрет молодой женщины, на которую девочка была очень похожа. Женщине было не больше двадцати пяти. Те же светлые волосы, те же синие глаза. На портрете женщина была в вечернем платье, которое, как и сапфировые серьги, подчеркивало цвет глаз. Единственное, что смущало, – обреченность во взгляде. Когда я впервые увидела портрет, меня поразило сходство женщины с девочкой, но более всего то, что я увидела у девочки в глазах ту же обреченность.

Во сне я сливалась с этим ребенком. Я знала, что она любит, чего не любит, чем она занимается, о чем думает. Все в ней было мне знакомо. Кажется, я уже почти смирилась, что живу в двух измерениях, что раздваиваюсь. Днем я жила обычной, доаварийной жизнью, а ночью, во сне улетаю в какую-то прошлую инкарнацию. Я не помнила ее начала и не помнила ее конца, но, видимо, почему-то должна была пройти ее вновь.

Но что именно?

Я смотрела на ту жизнь глазами восьмилетней девочки, знала то, что она знает. Я росла вместе с ней. Одно было точно – закон Эйнштейна работал, время действительно относительно, оно во сне пролетало гораздо быстрее. Ее жизнь была достаточно однообразна. Занятия по утрам, небольшой перерыв, который она обычно проводила в отцовской библиотеке. Потом занятия музыкой. С ней говорили на трех разных языках, и что было удивительно, я, не знающая ни одного европейского языка, кроме русского, понимала абсолютно все. Но как? Вопросов набиралось гораздо больше, чем ответов.

Следующий визит прошел в запланированное время. Но вместо того чтобы вернуться к аварии и снам, психолог почему-то решил ознакомиться с моим детством.

– Что вы помните из детского возраста?

– Мне было хорошо.

Я понимала, что это не ответ, но не знала, что надо рассказать. Я росла в большой семье с родителями, бабушками и дедушками, тетями и дядями, двоюродными братьями и сестрами. Никогда не слышала криков и скандалов, никогда не видела ссор. Может, они и были, но не на моих глазах. Я действительно не знала, что ему интересно из этого.

– Боялись ли вы чего-нибудь в детстве?

– Не так, чтобы помнить это. Хотя нет – я боялась собак. Я и сегодня их боюсь. Когда они встречаются мне на пути, я чувствую, как холодеют и становятся ватными руки и ноги, меня просто парализует страх.

– Вас пугали в детстве собаками?

– Нет. Меня никогда ничем не пугали. С детства со мной говорили как со взрослой, мне объясняли, но никогда не пугали и не наказывали. Это было не в правилах воспитания.

– Может быть, вас в детстве кусала собака?

– Нет, этого точно не было.

– Откуда же этот страх?

– Не знаю. Он был во мне всегда. Я не могу назвать его источник, я никогда не задумывалась об этом. Но знаю одно – не было ничего, что вызвало его, он шел изнутри.

– Значит, у вас было абсолютно счастливое и безоблачное детство? – переспросил психолог.

– Да, – я улыбнулась.

С какого возраста я себя помню?

Трудно сказать, отдельные эпизоды помнятся из совсем раннего возраста. Я помню, как в два года получила подарки на Хануку. Запомнилось, так как подарков даже для меня, привыкшей к ним, было очень много. Вернее, было так: мне сказали, что я должна попросить у дедушки ханукальные деньги, и он мне даст много игрушек. Я с нетерпением дождалась дедушкиного возвращения с работы и громко произнесла заученную заранее фразу, ожидая обещанного. Дедушка засмеялся и дал мне какую-то бумажку (понятие денег для меня тогда не существовало). Было очень обидно, потому что я просто не знала, для чего она мне нужна. Слезы были готовы политься из глаз, но меня тут же повели в магазин игрушек, и через час мы вернулись с двумя большими свертками.

Потом я долго, чтобы не забыть, повторяла это заученную волшебную фразу. Но мне объяснили, что она работает только раз в году. Было очень жаль. Очень хотелось Хануку каждый день. Я сидела и пыталась понять: что он ищет в моем детстве? Мы целый час копались в детских воспоминаниях о маме, папе, бабушке, дедушке и т. д.

Нет, не обижали, не били, не пугали, не наказывали. Много занимались мной, учили читать и считать. Нет, не насильно. В школу я пошла на год раньше сверстников, и еще весь следующий класс играла с ними – они проходили то, что я уже знала.

Нет, родители не ругались, не расходились, не разводились... Целый час был убит на то, чтобы объяснить, что у меня в детстве все было хорошо.

Я ушла от психолога, не понимая, чего он от меня хочет и совсем не уверенная, что хочу продолжать эти бессмысленные встречи. Мне хотелось обрести покой, а эти два визита к врачу ничего не изменили в моей жизни.

Муж, которому я все рассказала, уговорил меня не делать поспешных решительных шагов. "Нельзя судить о результатах после двух часов", – сказал он мне, и я покорно согласи-

лась. Тем временем я стала относиться к своим снам по-другому, так как, пытаясь найти объяснение им, я перечитала множество книг.

Первая из них была книга Моуди "Жизнь после жизни", где автор, врач по специальности, беседовал с людьми, прошедшими клиническую смерть. В большинстве случаев описывались ощущения, очень схожие с тем, что я испытала после аварии. То есть все это могло реально происходить. Далее я прочитала книги по реинкарнации. Спорный вопрос – существует она действительно или нет, но люди вспоминали, кем они были в прошлых жизнях, сопоставляли с жизнью нынешней, и это помогало объяснить какие-то свои поступки и даже разрешить насущные проблемы. Они писали, как вместе со знаниями менялось их отношение к жизни. Прочитав множество книг, я решила посмотреть на эту девочку со стороны, узнать, как она жила, что хотят мне рассказать этими снами. С того дня, как я пришла к этому решению, мне стало легче. Восстановился сон – я перестала бояться, научилась рассматривать его как какой-то роман.

Встречи с психологом шли по запланированному графику. Я пыталась настоять, чтобы мы начали обсуждать сны. Он согласился, но с условием, что я, рассказывая о каком-то периоде жизни своей ночной героини, буду просматривать и аналогичный период своей жизни. Итак, я пересказала психологу все, что знала о ней. А что я помню о себе в период шести- восьми лет?

Школа. Частные уроки английского, против которых я активно восставала и которые закончились через три месяца, когда учительница объяснила моим родителям, что я просто не занимаюсь. Занятия в школе, напротив, давались легко. Что еще? Много читала. Пожалуй, слишком много для восьмилетнего ребенка. Чем интересовалась? Войной. Мультиками? Нет. Они стали интересовать меня в гораздо более старшем возрасте, когда я уже стала мамой, а в детстве я была серьезней своего возраста. Мою маму, кстати, это очень волновало. Ей казалось, что ребенок должен играть, а не проводить целый день за чтением книг. Она пыталась все время выгнать меня на улицу играть с детьми.

– По этому поводу случались конфликты?

– Наверное, нет. Вернее – точно нет. Мама была намного мягче меня, и в конце концов всегда мне уступала.

В разговоре с психологом я снова и снова возвращалась к девочке из сна. Он задавал наводящие вопросы, и мне легче было рассказывать.

Почему ее зовут так странно? Я не могла ответить. Пока еще не могла. Ее действительно звали Розмари, и это немножко резало слух. Но называли ее сокращенным именем Мари, и оно было достаточно обычно. Только когда отец сердился на нее, он применял полное имя. Почему она росла без матери? Она знала, что ее мамочка на небесах, что она улетела туда во время ее рождения и оттуда следит за ней и охраняет ее. Из этого я сделала вывод, что мать умерла во время родов, а поскольку в доме не было никакой другой женщины, можно было понять, что отец вторично не женился.

А чем он занимается? Над этим вопросом я как-то не задумывалась. Он уезжал достаточно часто, и всегда на несколько дней. Она с детства привыкла к его отъездам, и особенно не печалилась по этому поводу. Это как бы входило в их размеренный образ жизни. Когда отца не было, она больше читала, любила утопать в его кресле с книжкой в руках. И еще она любила рисовать. Ее привлекали яркие сочные цвета. Она любила солнце на картинах.

Как-то отец взял ее на выставку. Наверное, это было самое яркое впечатление в ее восьмилетней жизни. И еще она любила смотреть, как по утрам готовят булочки. Но кухня была закрытой территорией, и туда ей было нельзя заходить. Она научилась подкрадываться и подглядывать. Лизхен, которая занималась домом, делала вид, что она этого не замечает, хотя по утрам, выпекая булочки, она видела прячущуюся Мари. Для Лизхен, растившей ее с рождения,

девочка была настолько родной, насколько это возможно. Она каждый день молилась над сонной девочкой, прося для ребенка счастья. Когда Мари была совсем маленькой, она напоминала Лизхен ангела, которого хотелось уберечь от всех опасностей мира. Ее отношение к боннам и учительницам, которые время от времени менялись, зависело от их отношения к Мари. Она любила только тех, которые любили девочку. Любое замечание ребенку воспринималось ею как личное оскорбление и неизбежно приводило к конфликту. Поэтому бонны и менялись... Один раз во время сна я наблюдала как Лизхен пекла творожные булочки. Мне казалось, что я даже ощущаю их запах, хотя он был мне незнаком, там присутствовала эссенция, которую я никогда не употребляла. С тех пор этот запах стал преследовать меня. Психолог спросил, могу ли я описать, какой запах был у этих булочек. Задумавшись на секунду, я уверенно ответила, что не смогу.

Распрошавшись с ним и выйдя на улицу, я вдруг задумалась, откуда такая уверенность. Зайдя в ближайшую кондитерскую, я взяла по одной все виды творожных булочек. Ни одна из них не пахла так, как те, которые были во сне. Они пахли вкусно, но по-другому...

Вопросы, которые задавал психолог, останавливали мое внимание на разных мелочах. Трудно сказать, что при этом возникало – реальные картины или домысленные, но его вопросы помогали воссоздавать тот мир более четко. В то же время он заставлял меня возвращаться к соответствующему возрасту в этой моей жизни, как видно, делая сравнение между ней и мной в одинаковом возрасте

Случилось так, что я на несколько дней застряла на одном кадре: Мари начинает утро с булочек. Меня стал преследовать запах. Я перепробовала все виды творожных булочек во всех расположенных поблизости кондитерских, запах ни одной из них даже приблизительно не напомнил мне то, что я ощущала. Мне это стало мешать. Я растерялась. Понятно, где можно искать какую-то конкретную вещь, но где искать запах? Однажды в овощном магазине, делая покупки на неделю, я в первый раз почувствовала его наяву. Он исходил от скромных зеленых головок, с которыми я не была знакома. То есть, наверное, я их и раньше видела, но никогда не пробовала, ибо использовала, в основном, те овощи и фрукты, которые были мне знакомы с детства.

– Что это? – спросила я у продавца.

– Анис.

Безусловно, я слышала про анис. Не зная как он выглядит и не зная его запаха, я помнила, что анисовые капли давали от кашля. Теперь оставалось отыскать анисовую эссенцию и попробовать испечь булочки. К моему большому удивлению я нашла анисовую эссенцию в первом же большом продуктовом магазине, в который зашла.

Выпечка всегда была моим хобби. Я с детства любила возиться на кухне, и приготовить или испечь что-то из определенного набора продуктов не составляло для меня труда, даже если не было точного рецепта. Я знала, что в состав булочек точно входят творог, масло, яйца, сахар и анисовая эссенция. Положив в миску творог, масло и сахар и быстро перемешав, я добавила в полученную смесь пару яиц и задумалась. Мне все время казалось, что надо кроме эссенции, муки и разрыхлителя добавить что-то еще. Но что? Я вспомнила золотистый цвет булочек из моих снов. Такой цвет придает только мед. Вареный мед. А мед варят с маслом. Я взяла немножко меда и, добавив в него масла, прокипятила минут пять на медленном огне. Смешала обе смеси, положила в миску эссенцию и разрыхлитель. Перемешав с мукой, получила тесто, которое разлила в формочки и поставила в духовку. Через двадцать минут по квартире разнесся запах. Это был запах из сна. Один к одному! А еще через полчаса я достала булочки из духовки. Вкус их был очень необычен.

Домашние вначале посмеялись, дескать, откуда я выкапываю такие рецепты, но потом пришли к выводу, что булочки очень даже ничего.

Выпив утром кофе с булочками, я ощутила состояние покоя. Куда-то ушло то, что мешало мне в последние дни. Как видно я прошла еще одну ступеньку в попытке понять свои сны.

А они продолжали сниться, уводя меня в гущу каких-то событий. Как-то незаметно я перешагнула через несколько лет, и Мари уже было десять-одиннадцать. Она уже в школе. У нее появилось несколько подруг, но дома она так же все свободное время проводила в библиотеке. Поездки отца участились и сделались продолжительней. А когда он оставался дома, там стало появляться больше его друзей. И вообще, жизнь в Зальцбурге изменилась – стала более светливой и шумной.

Появились ежегодные музыкальные фестивали, на концерты и спектакли съезжались люди со всей Европы. Это было для Мари и хорошо и плохо. Она любила, когда ее брали на концерты и выставки, но отец все больше уходит туда без нее. Были всякие встречи и приемы, куда ее не брали, а ей так хотелось.

В то время отец показал кому-то ее рисунки. "Что-то в них есть, – сказали ему. – Девочка, безусловно, талантлива, но не хватает мастерства". Бертольд, так звали отца, был очень польщен. Он обещал взять ее с собой в Париж, чтобы походить с ней по галереям, это доставляло Мари особое удовольствие. Все это я рассказала психологу на очередной встрече. Но на нее я пришла с сюрпризом, принесла с собой булочки. Психолог был очень удивлен.

– Вы когда-нибудь пробовали что-нибудь подобное? – заинтересовался он.

– Не только не пробовала, но и не слышала, чтобы анис употребляли для выпечки.

Неожиданно он вернулся к разговору о Мари.

– В каком приблизительно году это все происходит?

– В 1923-м. Я знаю это совершенно точно. В этом году ей должно исполниться тринадцать лет.

Ей так хотелось стать взрослой, она считала каждый год, а время проходило так медленно. Я чувствовала, как она ждала обещанной поездки в Париж. Мари уже была там с отцом, ей были знакомы набережные, галереи, она первый раз увидела там балет. Это было очень красиво. И вообще Париж ей нравился больше, чем Берлин и Вена. Он был ярче, праздничней. В Берлине она была только один раз, два года назад. Отец ездил туда по делам и взял ее с собой. Они пробыли там всего два дня. Она видела на улицах толпы народа с плакатами, людей злых и кричащих, она помнит, что ей было жутко и страшно. В Вену она ездила много раз. От Вены у нее осталось ощущение спокойствия, воспоминания об опере и пирожных. А от Парижа – ощущение вечного праздника.

Итак, она готовилась к новой поездке в Париж. Мари слышала, как отец говорил с кем-то из друзей, что в этом году Дягилев возобновил "русские сезоны". Она не знала кто такой Дягилев и что такое "русские сезоны", но понимала, что это нечто такое, чего все ждут. И Мари тоже стала ждать.

– Как вы относитесь к музыке, балету, живописи? – спросил психолог.

– Никогда не задумывалась об этом. Пожалуй, живопись люблю больше, чем балет.

Музыку – очень выборочно. Есть композиторы, произведения которых люблю.

– Например?

– Чайковский, особенно Первый концерт для фортепиано с оркестром.

– Что еще?

– Наверное, Моцарт и Бетховен, но, в общем-то, я не большой знаток музыки, я гораздо больше люблю поэзию.

– Что именно?

– Мне трудно назвать одного поэта. Люблю русскую поэзию начала XX века – Блок, Бальмонт, Северянин, Саша Черный, Ходасевич, Ахматова... Из современных – Тарковский, Окуджава, Вознесенский.

Эти имена ничего не говорили израильянину, так как все, кого я называла, были поэтами русскими. Наверное, есть их переводы на иврит, но, скорей всего, они знакомы только узкому кругу любителей поэзии.

– С какого возраста вы увлеклись поэзией?

– Наверное, лет с десяти-одиннадцати.

Я помню, что в это время мне попались ранние стихи Маяковского, которые меня просто потрясли. И я постаралась перевести на иврит короткое стихотворение, поразившее меня больше всех:

Я сразу смазал карту будней,
Плеснувши краску из стакана,
Я показал на блюде студня
Косые скулы океана...

Как видно, есть вещи, которые может перевести только профессиональный переводчик. Запутавшись в словах, я поняла, что мой перевод не имеет никакого смысла.

– Писали ли вы стихи сами?

– Да, но чуть позже. Лет в 14-15. Я думаю, в этом возрасте почти все пишут стихи.

– Ваши стихи сохранились?

– Нет. Все ушло, а переезд стер из памяти некоторые вещи совсем. Все в прошлом. Но осталась любовь к поэзии. И сейчас, когда я отдыхаю, беру в руки томик хороших стихов.

– Пробуете ли сейчас писать?

– Нет, не пробую. Нет ни потребности, ни желания. Да, впрочем, то, что я писала, никогда не было основным увлечением, хотя уроки литературы всегда были из самых любимых. Но, пожалуй, в школьные годы я больше занималась точными науками. Говорили, что у меня неординарные способности в математике, мне все в ней давалось легко, и будущая специальность тогда уже была predetermined, и никто, ни я, ни мои родители, никогда не сомневался, что я буду искать себя в области точных наук.

– Умеете ли вы рисовать?

– Всегда думала, что нет, и никогда не пробовала. Но когда старшему ребенку был год, стала рисовать ему животных – получилось. Выяснилось, что я неплохо рисую, но предпочитаю черно-белую графику. Очень люблю изображать горы в снегу, хотя в горах никогда не жила, а снег всегда вызывал во мне чувство дискомфорта.

Психолог снова вернул меня к разговору о девочке из сна.

Итак, мы с ним остановились на предстоящей поездке в Париж. Она была рада всему – самой поездке, возможности пойти на балет, а главное, возможности побольше побыть вдвоем с отцом. В последнее время он все чаще отлучался из дому. Внешне как будто ничего не изменилось, но ей казалось, что отец отдалялся от нее. И она не могла объяснить себе причину происходящего.

...Я уже давно привыкла к существованию Мари и подглядывала за ней, как зритель в театре. Этакий спектакль без конца, параллельный мир. В то время мне было тяжело сосредотачиваться на чем-то другом. Казалось, что все остальное я выполняю автоматически – работаю, общаюсь с мужем и детьми, с родителями. Все казалось обыденным. По настоянию психолога я копалась в своих детских и юношеских годах, пытаюсь найти сходства и различия между

мною и ею. И старалась не показывать домашним, насколько мне не по себе. Эмоционально смирившись, что параллельно проходит что-то, какая-то другая жизнь, я не могла понять это разумом. А когда я вспоминала и пересматривала свои встречи с психологом, мне казалось, что все, о чем я рассказываю, похоже на бред сумасшедшего, и рано или поздно, это заметят. Я и верила и не верила себе. И запутывалась в этом. Мое желание ходить к психологу тоже было переменчиво. Иногда я ощущала удовлетворение после встреч, так как он был единственным человеком, с которым я могла говорить о происходящем. Страх заговорить об этом с кем-нибудь другим сидел во мне очень глубоко. Кроме него у меня был только один собеседник – я сама. Фраза "устать от самой себя" стала мне по-настоящему понятна. Это постоянное напряжение, которое не проходило ни днем, ни ночью, мешало мне во всем. Во время аварии я столкнулась с миром, который был мне чужд. Так случилось, что книги по эзотерике в то время проходили мимо меня. Я видела только то, что было реально и доказуемо, я могла принять что-то за аксиому, если это было мне понятно. А тут мне пришлось пересмотреть все свое мировоззрение. Я вдруг поняла, что многие вещи нельзя понять, их можно принять или не принять. Никто не может доказать, насколько реален тот свет и туннель, который человек видит при своем уходе, но нельзя отрицать его существование. А это значит, что в момент смерти душа уходит, оставляя физическое тело, как одежду.

И свет, который человек видит в конце туннеля нельзя описать. Он яркий словно солнечный, но не слепит, а манит, притягивает, проникает в самую твою суть. Он дает полное спокойствие. Он дает блаженство. Я все время думала, какова была бы моя реакция, если бы кто-нибудь начал мне об этом рассказывать до того как я это прошла сама. В лучшем случае, я, наверное, вежливо выслушала бы собеседника и постаралась от него как можно быстрее отделаться. Прочитав огромное количество книг о людях, прошедших клиническую смерть, я поняла, что все видели приблизительно одинаковые картины, то есть то, что я видела, не могло быть моим субъективным представлением или галлюцинацией. Это реальный мир – другой, непонятный, но реальный. Отношение к нему у меня было разное: с одной стороны, хотелось его понять, а с другой – забыть и никогда его не вспоминать.

Иногда мне казалось, что как-нибудь вечером я лягу спать, и во время сна сотрутся воспоминания об аварии и обо всем, что было после нее. И утром я встану, забыв все, как кошмарный сон. Но чуда не случилось, и каждый понедельник и четверг я по-прежнему начинала с визита к психологу...

Когда ее поездка в Париж оказалась позади, Мари вдруг поняла, что она была праздником. Ожидание его длилось бесконечно, воспоминания о нем только приукрашивали его и тоже длились бесконечно, а сама поездка пронеслась как мгновение. Все было чудесно – прогулки, выставки, театры. И только одно омрачало ее настроение – она чувствовала, что отец что-то недоговаривает. Только в поезде, возвращаясь домой, Бертольд решился поговорить с ней. Он начал издали: она уже взрослая, она все понимает и тому подобное. Мари пытливо смотрела на него, выжидая и не спрашивая ничего. Но ей вдруг стало жутко. Она вспомнила, как в детстве ей было страшно, когда читали сказки о девочках, у которых были мачехи... Мари все время ждала этого, особенно, когда кто-то из знакомых тихо срачивал у отца: "Ты до сих пор один?" И вот сейчас страшная сказка становилась явью. Отец говорил растерянно, с трудом подыскивая слова. Ей было непривычно видеть его таким. В конце концов он пробормотал, что решил жениться. Мари продолжала молчать. Для того чтобы не длить гнетущую тишину, он стал рассказывать, что он женится на Магде, что Мари много раз ее видела, что Магда очень любит Мари и заменит ей мать. Мари захотелось прекратить этот разговор как можно быстрее. "Если ты любишь ее, то все будет хорошо", – сказала она и стала рассматривать меняющиеся за окном пейзажи. Бертольд почувствовал облегчение. Он уже полгода хотел ей все это рассказать, но откладывал со дня на день. Но эта поездка в Париж была их последним свиданием

наедине. Как перед свадьбой друзья устраивают для жениха мальчишник, так и он устроил эту поездку- прощание с их одиночеством. Одно огорчало Бертольда – он не понял реакции Мари. Она не показала, что она чувствует, как относится к его женитьбе, как она относится к Магде.

Бертольд был счастлив в первом браке. Они были женаты почти восемь лет. Мадлен была настоящей женщиной – романтической, нежной, любящей. Она не только любила праздники – умела создавать их из всяких мелочей – из ужина, из поездки в горы, из увиденных цветущих эдельвейсов... Она умела сопереживать всем тем, кто был рядом, и героям книг. Одно только омрачало их брак – у них не было детей. Врачи разводили руками. Только через семь лет она забеременела. Как они тогда радовались... И вдруг у Мадлен обнаружили какое-то редкое заболевание сердца – она стала задыхаться. Когда его в первый раз предупредили, что Мадлен может не перенести родов, он в это не поверил. Да и сама Мадлен уверяла его, что все будет хорошо. Из какого-то очередного романа она выкопала имя Розмари и решила, что если родится девочка, она непременно назовет ее этим именем. Он не спорил, он был уверен, что если роится девочка, они подберут другое, более подходящее имя...

Мадлен действительно не пережила родов. Бертольд был подавлен этой несправедливостью судьбы. Окрестив девочку и назвав ее Розмари, он оставил ее с Лизхен. Это была няня еще самой Мадлен. Мадлен никогда не считала ее служанкой, но и никогда ни в ком, кроме нее, не нуждалась.

Бертольду все сочувствовали – потерять молодую любимую жену! Он ушел в работу. Адвокатские дела и преподавание занимали все его свободное время. Он почти не помнил первые полтора года после смерти Мадлен. В то время он был поглощен своим горем, и девочка его не интересовала. Как-то вечером Лизхен завела Мари к нему в кабинет, чтобы девочка пожелала отцу спокойной ночи. И вдруг отец заметил, что девочка как две капли воды похожа на Мадлен. Те же черты лица, тот же цвет волос, такая же мимика. Вся любовь, которая так болела в нем, перенеслась теперь на Мари. Она стала смыслом его существования. Женщины не играли особой роли в его жизни. Его приятельницы никогда не появлялись в доме. Он отшучивался, когда друзья заговаривали о женитьбе. Жизнь его сосредоточилась на Мари и работе.

По вечерам он беседовал с портретом Мадлен. Портрет был написан к пятилетию их свадьбы. Ему так хотелось, чтобы художник запечатлел ее красоту. Только потом, уже после смерти жены, он обратил внимание на обреченность в ее глазах.

Психолог прервал мой рассказ вопросом, как отнеслась Мари к известию о женитьбе отца. В принципе она понимала, что это когда-то должно произойти. Она приняла эту новость спокойно. Но девочка пыталась понять, как она относится к Магде и чего ждет от нее. Магда была приятельница отца лет тридцати. Мари вспомнила, что ее всегда поражало у Магды, – вечная улыбка, которая часто не соответствовала выражению глаз, и тогда все в ней казалось наигранным. Отец как будто не замечал этого, и Мари ничего не оставалось, как смириться с мыслью, что скоро Магда появится в их доме.

Когда Мари была маленькой, она часами смотрела на портрет матери. Ей казалось, что однажды мама сойдет с портрета и снова поселится с ними. Позже Лизхен научила ее разговаривать с портретом. Она вспоминала, как рассказывала портрету Мадлен все свои детские секреты. И вот отец приводит в дом чужую женщину, которую почему-то надо будет называть мамой.

Я задумалась. В действительности мне было непонятно, как Мари отнеслась к этому известию. И еще я пыталась ответить на вопрос психолога, что со мной происходило в возрасте тринадцати лет. К большому его разочарованию, я ничего не могла вспомнить. У меня все было ровно, без проблем. Любящая семья, хорошая школа, друзья. Нет, ничего особенного не вспоминалось. Занятия давались мне легко, а все свободное время я посвящала чтению. Причем читала все, что попадалось под руку. Эту любовь к чтению я пронесла через года. И только

сейчас, после аварии, чтение отошло в сторону, так как вся была поглощена моей «инкарнацией». Но в отличие от книг, которые я буквально глотала, продвижение по прошлому занимало очень много времени. Оно проходило через меня, оно вживалось в меня.

Следующую встречу с психологом мы начали с возвращения Мари домой. Преступив порог своей комнаты, она вдруг подумала: а вдруг все то, что сказал отец было неправдой, фантазией, страхом? Так или иначе, она убедила себя – будь что будет. И продолжила прежнюю жизнь.

Все ее подруги в то время зачитывались новеллами Стефана Цвейга. То, что писатель жил в их городе, придавало всему особую романтичность. Откуда-то взялся его адрес, и они бегали смотреть на дом, в котором жил Цвейг. От Linzer Gasse надо было подняться по короткой кривой дороге. Две девочки в классе рассказывали, что как-то им удалось увидеть самого Цвейга. Мари перечитывала его новеллы по несколько раз. Это были книги, которые не рекомендовались для их возраста, и тайное чтение придавало произведениям особую прелесть. В какой-то момент Мари показалось, что все уже в прошлом – поездка, разговор с отцом, и только когда Магда, появившись в доме, нежно поцеловала ее в щеку, Мари поняла, что отец действительно женится. Сидя в кафе, куда отец привел их после воскресной прогулки, она исподтишка разглядывала будущую мачеху. Абсолютно правильные черты лица делали бы ее красавицей, если бы не взгляд. Взгляд был жесткий и колючий. Короткая стрижка, светло каштановые волосы уложены один к одному, строгий костюм без украшений, если не считать цепочку с крестиком... И всегда улыбающаяся. Мари обратила внимание, что перед тем, как приступить к еде, Магда что-то тихо шептала, опустив глаза. Большую часть обеда взрослые говорили между собой, и хотя отец старался привлечь дочь к разговору, она оставалась лишь сторонней наблюдательницей. Когда же они заговорили о предстоящей свадьбе, Мари очнулась. Она вдруг поняла – все произойдет гораздо быстрее, чем ей казалось. Свадьбу планировали сыграть в конце февраля, сразу же после окончания Моцартовского фестиваля. Обычно фестивальные дни проходили ярко и празднично. У отца было много друзей, которые съезжались сюда именно в это время. И вот теперь свадьба, которая войдет в ее жизнь не праздником, а буднями, и никто не знает, что принесет с собой.

Вернувшись домой, Мари побежала разыскивать Лизхен. Ей хотелось с кем-нибудь поделиться услышанным. Найдя ту на кухне, она стала пересказывать новости. Для Лизхен это не было чем-то неожиданным. Она волновалась только об одном – как это может изменить жизнь Мари. И у нее вечная улыбка Магды вызывала недоверие. Кроме того, Бертольд говорил ей, что хочет перевесить портрет Мадлен из салона в свой кабинет. Она не знала, что думать, – было это решение самого Бертольда или же просьба его будущей жены? Во всяком случае, она знала, что после ремонта на месте портрета будет висеть другая картина. Думая об этом, Лизхен вдруг обратила внимание, что они обе молчат. Она притянула Мари к себе, обняла и коснулась губами ее лба. "Все будет хорошо", – успокоила она девочку. "Все будет хорошо", – повторила Мари.

Время до свадьбы пролетело очень быстро. В салоне и в нескольких комнатах сделали ремонт, поменяли мебель. Что-то очень родное стало уходить из жизни Мари. Одноклассницы донимали ее вопросами – где будет проходить свадьба, как будет одета невеста и всякой прочей ерундой. Мари это не занимало, гораздо важнее было знать, что ждет ее после свадьбы, что изменится в доме, что изменится в ее отношениях с отцом.

Венчание проходило в католическом соборе. В белом платье, отороченном перьями, Магда казалась сказочной принцессой. Церемония была очень красивой, все были счастливы. Было весело, шумно и суетно. После свадьбы новобрачные уехали на месяц в путешествие по Европе, и Мари осталась с Лизхен. Ей было хорошо с этой нежной женщиной, не чаявшей в ней души. Она старалась не думать о возвращении отца, о переменах, которые ждут ее дома.

Умом она понимала причину перемещения портрета матери из салона в кабинет Бертольда, но принять это ей было сложно. Весь месяц Лизхен баловала ее, как могла, готовя самые любимые блюда и разрешая допоздна засиживаться за чтением. Она понимала, как тяжело девочке, но при этом она понимала и то, что Бертольд должен был рано или поздно жениться, и что не дело мужчине в его возрасте так долго оставаться одному. Она надеялась, что отношения между Мари и Магдой наладятся, и Магда, если уж не заменит ей мать, то по крайней мере станет девочке старшей подругой.

По возвращении молодоженов из свадебного путешествия, Мари получила огромное количество подарков. Снимая ленты с упаковок, она почему-то подумала о Рождестве. Обычно такое количество подарков она находила под елкой. Мари радовалась каждому подарку и, пожалуй, тогда она впервые сказала себе самой, что, наверное, Магда действительно относится к ней хорошо, раз занималась покупкой подарков в свой медовый месяц. А значит, все будет по-прежнему.

Но в первое же воскресенье Магда сообщила, что теперь они будут по утрам посещать воскресную службу. Раньше они с отцом ходили в церковь лишь по праздникам. Отец не был рьяным католиком, да и все друзья его были, в общем-то, светские люди. Служба по воскресеньям входила в их дом как новшество, и Мари не знала, как к этому отнестись. Ей нравились запах ладана, иконы, спокойствие внутри церкви. Да и многие ее друзья посещали воскресные службы каждую неделю. Просто для Мари это было необычно.

Среди моих рассуждений об отношении девочки к происходящему психолог вдруг остановил меня и спросил, как я сама отношусь к религии.

"Не знаю", – ответила я. И в свою очередь спросила его, как он относится к воздуху, поставив его в тупик своим вопросом. Мне действительно было непонятно, как я отношусь к религии, я просто никогда об этом не задумывалась. У меня в семье соблюдали традиции. Хотя советская система пыталась выбить у людей всякое понятие о Боге (независимо от того, к какому вероисповеданию они принадлежали), в Грузии, где я родилась, была в этом отношении относительная свобода. Мы праздновали все еврейские праздники, дедушка ходил в синагогу, иногда брал меня вместе с собой. И это было естественно. Я хорошо помню, как, учась во втором классе, показала дедушке карикатуру из учебника, на которой была изображена ракета с Гагариным. Смысл карикатуры был такой, что, дескать, космонавт облетел на ракете всю землю и никакого Бога там не видел.

Дедушка не стал вступать в спор по поводу картинки в учебнике, а только сказал фразу, к которой я возвращалась мысленно много раз: «Ты можешь верить в Бога или не верить, но он существует независимо от твоего мнения, и ему как-то все равно, что ты думаешь по этому поводу».

Десять заповедей вошли в мою жизнь совершенно естественно. Их выполнение не требовало от меня каких-то особых усилий. Поэтому я и задала психологу вопрос про воздух. К воздуху нельзя никак относиться, его нельзя любить или не любить. Просто без него нельзя существовать. Тогда психолог задал другой вопрос: как я отношусь к католичеству? И на этот вопрос я тоже не смогла ответить. В Грузии почти не было католиков, христиане были православные. Там все это воспринималось так – живут люди разных национальностей – грузины, армяне, евреи, греки, русские, курды, а хороший человек или плохой, ни от национальности, ни от вероисповедания не зависит.

В этот раз, уйдя от психолога, я попыталась мысленно вернуться в свои детские годы. Мне кажется, что я вообще не задумывалась, какая разница между мной и моими школьными подругами, ни тогда, ни после окончания школы. Как, впрочем, никогда не скрывала, что я еврейка. Только один раз меня спросили, почему мы празднуем Новый год в сентябре, но я просто объяснила, что наш Новый год осенью. Этого было достаточно. Помню, когда я в Песах

приносила мацу в школу, то она у меня заканчивалась мгновенно – все в классе брали по кусочку. В итоге я стала приносить в школу мацу пачками. Мы тогда не задумывались – ну еврейка, ну грузинка, ну армянка, ну и что? С «национальным вопросом» я столкнулась позже.

С этой и до следующей встречи мои мысли впервые были заняты не Мари, а мною самой. Я пыталась вспомнить, когда я поняла, что существуют разные религии. Вдруг почему-то вспомнилось, как я рассматривала у подруг новогодние подарки – мне никогда ничего не дарили на Новый год. Дедушка всегда объяснял, что я получала эти же подарки чуть раньше, на Хануку. Тогда я еще не задавала вопроса, какая разница между Ханукой и Новым годом. И вообще в Советском Союзе не справляли Рождество, а смена одного года другим отмечалась как совершенно светский праздник, не имеющий никакого отношения к религии. Скорее всего, Рождество справлялось в христианских домах так же тихо, как у нас Ханука. О католической церкви я впервые услышала на уроках истории, в пятом или шестом классе, когда мы проходили крестовые походы. В то время я еще не воспринимала их как что-то реальное. Некая сказка о войнах – не более. Помню, у меня в мыслях даже не сопоставлялось завоевание Палестины крестоносцами и пение на Песах: "А-шана а-баа бе Ирушалаим" ("В будущем году – в Иерусалиме"). Я и не подозревала, что речь и тут, и там идет об одном и том же месте.

Наверное, я больше не встречалась с католицизмом до того, как начала видеть сны. И сегодня я даже не понимаю, почему после первого же сна я была уверена, что вижу католические соборы. Наяву я вряд ли смогла бы по архитектуре церкви и кресту над ней определить, к какому христианскому течению она относится. Значит, в тот момент сработало подсознание, это невозможно объяснить.

Обо всех этих сомнениях я рассказала психологу на следующей встрече. В процессе разговора вдруг обнаружилось, что сегодня, будучи взрослым человеком и зная названия практически всех основных течений христианства, я совершенно не знала разницы между ними. И честно говоря, у меня не возникало желания копаться в этих премудростях. Они были очень далеки от меня.

Воскресную мессу я первый раз тоже увидела во сне. Мари вместе с Магдой и отцом посещала теперь церковь каждое воскресенье. Произошли и другие изменения в доме. Например, нельзя было начать есть, не произнеся молитву. Нельзя было без молитвы отправиться спать. У Мари в комнате появилось распятие. Если какие-то вещи не исполнялись в точности так, как требовала Магда, та не обижалась и не кричала. В такие моменты у нее просто было лицо печального ангела, и Бертольду хотелось сделать все, чтобы вернуть ей радость и покой. Его правда немножко беспокоила Мари. Он чувствовал, что она объявила молчаливый бойкот Магде, хотя внешне девочка выполняла все, что требовала мачеха. Он вдруг обратил внимание, что если раньше все свое свободное время Мари проводила в его кабинете, то теперь, выбрав нужную книгу, она тут же исчезала с ней у себя в комнате. Как-то он наблюдал за ней в церкви во время молитвы. Девочка стояла с отрешенным взглядом. Бертольд подумал, что, наверное, надо поговорить с Магдой и не обязывать Мари ходить в церковь, а предоставить ей решать это самой. Но ему было так жаль огорчать жену, особенно сейчас, когда Магда вынашивала ребенка и чувствовала себя совсем слабой. Тем не менее она строго соблюдала Великий пост перед Пасхой. Еще никто не знал о беременности кроме них, и ему очень хотелось поделиться новостью с Мари, и попросить ее быть более мягкой и ласковой с Магдой. Дочь выслушала новость и изобразила радость. Бертольд понял это сразу, но понял по-своему. Он начал объяснять Мари, что на их отношениях это никак не отразится. В ответ она начала убеждать его, что действительно очень рада, что пойдет и поздравит Магду. Они расстались после разговора каждый с внутренним чувством, что другой немножко лукавил и был неискренен, но внешне все выглядело весьма благопристойно.

Мари еще больше уделяла времени рисованию. На ее картинах чуть изменились краски. Цвета стали менее яркими, но картины сделались гораздо более выразительны. Бертольд предложил одну из акварелей повесить у себя в кабинете. Она выбрала картину с эдельвейсом, долго подбирала место с наилучшим освещением и вообще казалась опять прежней Мари. Бертольд почувствовал облегчение. Конечно, вначале все было тяжело, но теперь, слава Богу, все позади. Мари, резко повзрослевшая за последние полгода, в свои четырнадцать лет превратилась из подростка в юную фрейлину. Пожалуй, она была немного худа и бледна, но, в общем, выглядела очень привлекательной. Он вдруг вспомнил, что обещал отправить дочь на пасхальные каникулы в Вену. Мари подтвердила, что хотела бы съездить к бабушке и дедушке и спросила, может ли ее сопровождать Лизхен.

– Да, конечно – ответил Бертольд, внутренне сожалея, что в праздники Мари не будет дома.

И он решил приурочить свои дела в Вене к дням, когда планировалась поездка дочери. У него были достаточно хорошие отношения с бывшими тестем и тещей, он всегда с удовольствием наносил им визиты. Они не виделись после его свадьбы, но он не испытал никакого дискомфорта по поводу женитьбы. Родители Мадлен много раз говорили Бертольду, что ему надо устраивать свою судьбу и не надо оставаться так долго одному. Так ведь и произошло: он женился, счастлив с Магдой. Но когда он переступил порог венского дома и увидел взгляд Мадлен, устремленный на него с портрета, висевшего на стене, что-то внутри защемило так сильно, что он еле удержался на ногах. Хорошо, что в это время все были заняты Мари, и никто не обратил на него внимания. Их ждал праздничный ужин, за которым Бертольд не знал, как себя вести. До женитьбы он не придерживался постов, ограничиваясь хождением в церковь по праздникам. Сейчас Магда, соблюдая все законы католической церкви, приобщила его не только к воскресным мессам и исповедям, но и к постам, и Бертольду неловко было видеть этот молочно-мясной стол перед Пасхой. Сославшись на плохое самочувствие, он попросил для себя что-нибудь вегетарианское. Лизхен взялась приготовить ему что-нибудь легкое, и ужин из-за этого задержался на полчаса.

Они разговорились. Бертольда спросили, как чувствует себя Магда, и пожелали ей самого наилучшего. Потом стали расспрашивать Мари о школе, об уроках живописи. Она говорила без умолку. Было такое чувство, что из нее выплескивалось все, что она не договаривала последние полгода. Бертольд про себя отметил, что, наверное, мало уделял ей внимания в последнее время.

Позднее, когда Мари ушла спать, они продолжили разговор втроем. Ильза, мать Мадлен, сказала ему, что девочка очень повзрослела и выросла, стала просто очаровательной, но слишком бледна.

– Кстати, давно ли ты показывал ее врачу? – вдруг спросила она.

После смерти Мадлен она все время настаивала, чтобы девочку каждый год обследовали. У Мари ничего не находили, но Бертольд каждый год продолжал водить ее по врачам.

Фрау Ильзе сообщила, что она, узнав о приезде внучки, поговорила со своей приятельницей, сын которой был преуспевающим кардиологом. Он работает в больнице и имеет частную клинику. К нему трудно попасть без предварительной записи, но приятельница обещала Ильзе, что все устроит. Бертольд знал, о ком идет речь. Он помнил Генриха еще с тех пор, когда тот был в возрасте Мари. И вот уже врач. Боже, как быстро летит время!

Визит к Генриху не внес ничего нового в их жизнь. Внимательно проверив Мари, Генрих сказал, что она абсолютно здорова и нет повода для волнений. Бертольд со спокойным сердцем оставил дочку у бабушки и дедушки и вернулся в Зальцбург.

Пересказывая все это психологу, я вдруг обратила внимание, что у меня ощущение, будто я рассказываю какую-то прочитанную книгу или же просмотренный фильм. Психолог

все время задавал вопросы, уточняя какие-то мелочи, и я отвечала на них, подробно описывая одежду или еду. Я не могла ответить, действительно ли я видела все это во сне, или информация возникала в подсознании независимо от увиденного, в дополнение к нему. Я пробовала готовить всякие блюда, которые видела во сне. И они получались очень неплохо. С некоторыми из этих кулинарных изысков я знакомила своего психолога.

В очередной раз, принеся ему абрикосы в кляре из творожного теста, я продолжила рассказ о пасхальных каникулах, которые Мари провела в Вене. Там она вернулась в ту атмосферу, в которой прожила тринадцать лет, от своего рождения и до женитьбы отца. В один из вечеров к бабушке пришла Лея, та самая приятельница, у сына которой Мари прошла обследование. Зная, что девочка еще находится у бабушки, она принесла ей подарок – красивую тетрадь, явно предназначенную для дневника. Ей казалось, что все девочки возраста Мари ведут дневники.

Бабушка стала расспрашивать о предстоящей женитьбе Генриха. Потом они уединились и стали тихо о чем-то беседовать. Мари издали рассматривала Лею. Это была высокая статная женщина, очень ухоженная и броская. Иссине-черные волосы были аккуратно уложены и контрастировали с белой кожей и серыми глазами. Нос с тонкой горбинкой не портил лица. Мари решила сделать набросок. Она пошла в свою комнату за альбомом, но там ее взгляд упал на небольшую фотографию матери, и ей расхотелось возвращаться. На этом портрете Мадлен была чуть старше самой Мари – в возрасте девятнадцати-двадцати лет. Девочка стала фантазировать, как бы она дружила с матерью. В голове стали проноситься разные картины...

Мари не знала, сколько она просидела в комнате, но когда она вернулась в салон, увидела, что к женщинам присоединился Генрих, приехавший за матерью. Видимо, они обсуждали предстоящую свадьбу и свадебное путешествие. Ильзе, упомянув, что внучка в прошлом году была в Париже, предоставила Мари самой рассказать о своих впечатлениях. Мари стала рассказывать о галереях, парках, замках, о посещении театра и балетных представлений. Вначале она смущалась, но потом как-то расслабилась и почувствовала, что ей легко говорить. Выслушав девочку, Лея вместе с Ильзе прошла в кабинет деда, чтобы попрощаться. Генрих остался наедине с Мари. Во время врачебного осмотра она показалась ему угловатым подростком, но сегодня перед его глазами предстала молоденькая девушка, которая казалась старше своих лет. Он был далек от искусства, но восторженность Мари передалась и ему. Генриху было жалко девочку. Ее историю он слышал от матери, да и Бертольд рассказал ему причину постоянных врачебных проверок. В какой-то момент он перестал слушать, а смотрел и пытался представить, как она росла без матери и что испытывает сейчас, живя с мачехой, потом стал думать о предстоящей свадьбе. Лея, вернувшись, расспрошала с Мари, и они с Генрихом уехали.

Психолог спросил меня, бывала ли я в Париже. Да, бывала, но город не вызвал у меня ожидаемого восторга. Правда, не было и отчужденности. Я очень легко там ориентировалась, особенно в старых районах. Когда я впервые попала в Париж, он мне показался знакомым, но тогда я была уверена, что эти улицы, парки, соборы остались в памяти после просмотра французских фильмов. Сейчас то ощущение знания города казалось более загадочным.

Дни, которые Мари провела в Вене, пролетели очень быстро. Большую часть времени она находилась с бабушкой, так как дедушка работал. Несмотря на боли в желудке, которые беспокоили его уже несколько лет, он много времени проводил у себя в кабинете. Он почти отказался от преподавательской деятельности, и теперь у него было время, чтобы завершить давно начатую работу по истории искусств. Бабушка же почти целые дни проводила с Мари. Ее интересовало буквально все – как девочка ладит с Магдой, что она учит, что любит, что читает. Она не рассказывала внучке, что Лизхен уже жаловалась ей на атмосферу в доме. Ильзе понимала, что Мари не так-то просто привыкнуть к новой ситуации. Девочка рассуждала, как взрослая, ей хотелось казаться самостоятельной. Она привезла в подарок две акварели – на одной были

горы в снегу, на другой – цветы. Ильзе не преминула сказать, что картины понравились всем, кто их видел – и дедушке, и Лее, и Генриху. Мари неожиданно стала расспрашивать о Лее, но бабушка видела, что девочку больше интересовала свадьба Генриха. Видимо, после женитьбы отца свадьба стала для нее большой темой. Ильзе рассказала, что Лею она знает очень давно, что их мужья дружили. Теперь Лея вдова (она была намного младше покойного мужа). Генрих – ее единственный сын, и Лея считает, что ему надо жениться.

– Бабушка, а когда женятся – это хорошо? – вдруг спросила девочка.

– Конечно, родная, человеку плохо быть одному.

Ильзе вдруг увидела, как у Мари каменеет лицо.

– Она меня терпеть не может! – сказала Мари

– Кто – Лея?!

– Бабушка, при чем тут Лея! Магда меня ненавидит, я это знаю, она ничего мне не говорит, но я вижу, как она смотрит на меня. Бабушка, оставь меня у вас.

Ильзе прижала ее к себе и пообещала поговорить с Бертольдом. Ее удивило, что Мари не расплакалась. Поздно вечером, уложив внучку спать, она решила подробнее узнать все у Лизхен. Но та ничего не смогла добавить к тому, что уже рассказала. Внешне все выглядело весьма спокойно, нельзя было ни к чему придраться. Ильзе была уверена в одном – Бертольд не согласится на переезд девочки. Так и случилось. Единственное, что удалось Ильзе – взять обещание с Бертольда, что летние каникулы Мари проведет у них.

У самого Бертольда остался тяжелый осадок от разговора. Он решил не обсуждать ничего с Мари, а просто уделять дочери больше времени. Он не мог понять, из чего она сделала вывод, что Магда ее не любит. Может быть, Ильзе права, и девочка просто ревнует его, может, надо хотя бы изредка снова походить с ней вдвоем в кафе или театр. Но Магда всегда так добра с Мари, если и делает мелкие замечания, то все это для ее же, Мари, пользы. Самое неприятное во всем то, что дочь ни разу не поговорила с ним о том, что ее беспокоит. За все время он не слышал ни одной жалобы. Почему она нашла нужным переговорить не с ним, а с бабушкой? Даже уверения Ильзе, что, скорее всего, это тоже проявление ревности, не смягчили удара. Ее желание переехать к бабушке он воспринял как измену ему, как желание наказать его за женитьбу.

Но разве он не имеет право на личное счастье? После смерти Мадлен он очень долгое время оставался один, ему было очень плохо и не хотелось ни с кем делить свою жизнь. Но Магда растопила лед боли, он снова почувствовал себя счастливым. Магда такая нежная, мягкая, любящая. Почему дочь думает, что она ее ненавидит? Ведь Магда – истинная христианка, проповедующая любовь и всепрощение. Жалобы Мари просто абсурдны. Он решил ничего не рассказывать жене. Магда все принимала близко к сердцу, а сейчас, когда она ждала ребенка, не стоило ее волновать.

Оказавшись невольным свидетелем тех чувств, которые испытывали Мари и Бертольд, я жалела их обоих, но не могла разобраться, кто прав из них, кто виноват. Мне казалось, что у каждого была своя правда. Одно тревожило – ощущение полного взаимонепонимания сидело в обоих очень глубоко. Мне вдруг стало неловко – я напоминала человека, подглядывающего в замочную скважину. Раньше, когда я читала какую-нибудь интересную книгу, мне хотелось узнать, что будет впереди, чем все закончится. Теперь же, наоборот, появилось желание остановиться на увиденном. Но параллельная жизнь шла своим чередом.

Каждое утро я вставала с какими-то новыми сведениями. Толком нельзя было объяснить, видела ли я это во сне или просто знала – ниоткуда. Мне казалось, что, наблюдая за некоторыми людьми, я понимаю, кем они были в прошлой жизни. Поэтому я просто старалась не смотреть на человека долго и пристально, чтоб не вглядываться в его прошлое. К этому времени я начала догадываться, что бессознательная память предупреждает нас. Но о чем? Знать это мне тогда

еще не было не дано. Я находилась в начале пути – неизвестного, пугающего, и в то же время влекущего. Главное, я чувствовал, что назад дороги нет.

Во время очередной встречи психолог спросил, как Бертольд смог разрешить проблему. Она, видимо, заинтересовала его и с профессиональной точки зрения. Но Бертольд после долгих колебаний решил не говорить с Мари про ее отношения с Магдой. Он подумал, что если сам он будет внимательней к дочери, то все уладится само собой.

В ближайшее же воскресенье, за завтраком, он предложил сходить после мессы в парк, а потом в кафе. Магда обрадовалась, стала оживленно обсуждать, куда лучше поехать. Но дочь осталась безучастной к его идее. И вдруг ему показалось, что если кто и виноват в конфликте, так это Мари. Он понял, что поговорить им все-таки придется, и чем раньше, тем лучше. Его нежная ласковая девочка превращалась в колючего ежа. Вскоре, оставшись вечером наедине с Мари, он спросил ее, как ей живется после прихода Магды в дом.

– По-разному, – буркнула дочь в ответ.

– Ты уже взрослый человек, и если у тебя есть какие-то претензии, надо их высказать, тогда все можно решить.

– Почему ты убрал портрет мамы? – вдруг спросила Мари

– Не убрал, а перевесил, он теперь висит в моем кабинете.

– Она все время лезет в мою жизнь – что я читаю, кто мои подруги, что я ем, когда молюсь! Ты видел распятие, которое она повесила в моей комнате? Бертольд не видел, но он знал, что Магда повесила распятия не только у них в спальне, но и во всех остальных комнатах. Ему самому это не мешало, и он не мог понять, что в этом плохого. В общем, во время разговора он не услышал ни одной дельной жалобы. Мари отмалчивалась. Что ж, до летних каникул осталось не так много времени, и дочка, проведя пару месяцев у бабушки, вдали от дома, пересмотрит свое отношение ко всему, а пока нужно оставить все как есть.

Когда я рассказывала о планах Мари на летние каникулы, у психолога возник вопрос, как я проводила летние каникулы. Обычно у родителей не было такого длинного отпуска, чтобы выезжать со мной на все лето, поэтому часть каникул я проводила в пионерских лагерях. Там мне было хорошо. Каждый год я встречалась практически с одними и теми же ребятами, у нас были приятельские отношения. Но я никогда не смотрела на такие выезды как на побег из дома. Так что нельзя было провести параллель между мной в эти годы и Мари. Ведь у меня дома не было никаких проблем! Здесь же девочка молчаливо бунтовала, а Бертольд не придавал этому значения.

Только Магда казалась совершенно спокойной. Она занималась благотворительностью, посещала дома сирот, собирала деньги на обездоленных. Религия была у нее в основе всего. Ее огорчало, что Мари халатно относится к молитвам, что она может начать трапезу, не поблагодарив Бога за хлеб насущный, ее огорчали и прочие мелочи, но она надеялась, что девочка умна, все поймет и в конце концов найдет радость в вере. По просьбе Бертольда, она перестала делать девочке замечания, но при этом смотрела на нее взглядом, полным боли. Этот взгляд просто бесил Мари. Но ради покоя в доме она молчала. Лизхен была единственная, с кем Мари могла говорить откровенно. Поскольку до летних каникул осталось совсем немного времени, они вдвоем его пережидали. В начале лета Бертольд отвез обеих в Вену. За все время, что дочь была у Ильзе, он видел ее по 2-3 раза в месяц, когда приезжал в столицу по служебным делам. Они не заговаривали о доме, а во всем остальном она вдруг стала прежней Мари. Бертольд брал ее на выставки, в театр. Один раз им удалось пойти на балет. Мари снова подолгу рисовала и читала. Не все книги, которые она читала, подходили ей, по мнению Бертольда, по возрасту, но она объяснила, что эти же книги читали все ее подруги. Это были, в основном, любовные романы. «Взрослеет», – подумал отец.

В один из приездов он долго беседовал с Ильзе. Она пожаловалась, что здоровье мужа оставляет желать лучшего, он слабеет с каждым днем. Врачи разводят руками, говорят – возраст. Ей бы хотелось, чтобы кто-то жил с ними постоянно. Сейчас, когда Лизхен в доме, ей, Ильзе, легче справляться со всем. Бертольд предложил, чтобы на некоторое время Лизхен осталась здесь, они постараются обойтись без нее. Он лукавил. Магда давно просила уволить Лизхен, считая, что служанка стоит между ней и Мари, что если бы у девочки не было поддержки, она давно бы стала более покладистой. Бертольд понимал, что, уволив Лизхен, он только озлобит дочь. Но сейчас судьба предоставила ему случай разрешить этот конфликт мирным путем. Можно объяснить Мари, что это временные перемены, связанные с болезнью деда. Ильзе не дала ответа сразу. Она сказала, что подумает над предложением. На самом деле, ей хотелось переговорить с Лизхен и с Мари до того, как дать окончательный ответ. К ее удивлению, внучка встретила предложение с радостью. Лизхен же, напротив, была очень огорчена, она не хотела оставлять девочку одну. Мари вдруг очень активно принялась ее уговаривать и убеждать.

– Ведь мне потом будет легче переехать сюда, – добавила она.

Перед отъездом Бертольда Ильзе сообщила ему, что принимает его предложение, услышав в ответ, что Магде понадобится неделя, другая, дабы подобрать Лизхен замену, после чего Лизхен сразу же вернется в Вену. Он и тут немного хитрил, зная, что жена давно нашла женщину, которая должна занять место Лизхен. Но ему не хотелось об этом говорить.

Вернувшись в конце лета домой и через неделю распрощавшись с Лизхен, Мари вдруг осознала, что осталась совершенно одна в этом доме. Но замысел ее был прост – привести отца к мысли, что надо и ее, Мари, отправить к бабушке. Она разработала план молчаливого неповиновения. Это было единственное, что она могла предпринять. За завтраком она выпивала кофе с ломтиком хлеба, масла и мармелада. Обо всем остальном она говорила: «Это несъедобно». Взрослые понимали, что это всего лишь протест, и новая кухарка готовит ничуть не хуже прежней, но ничего не могли сделать. За обедом тарелка с супом отставлялась после двух-трех ложек. К остальным блюдам она вообще не прикасалась, сетуя, что ей не нравится запах. Теперь она питалась, в основном, хлебом, изредка ела сосиски с тушеной капустой.

Бертольд понимал, что она испытывает его терпение, добиваясь отправки к бабушке. Но он решил в этот раз не сдаваться. Мари всегда была словно частью его самого. И ее желание отделиться, уйти от него, он воспринимал как физическую боль. Но вскоре Магда должна была родить, она должна быть спокойна и счастлива. «Надо больше уделять внимания обеим», – решил он. Бертольд стал всматриваться в каждую мелочь. Первое, что он заметил: подруги Мари перестали бывать у них в доме. Он помнил трех девочек, которые много лет приходили к ним по воскресеньям, на праздники, на каникулах. И вдруг почти перестали появляться. Бертольд решил выяснить у дочери, что случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.